

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Н.Е. ТИХОНОВА

Особенности “российских модернистов” и перспективы культурной динамики в России

Статья 2*

Автор продолжает тему, начатую в предыдущем номере (см. статью Н.Тихоновой “ОНС”, 2012, № 2). Показана особенность нормативно-ценностной системы российского общества, выявляются носители устойчивых “блоков” норм и ценностей – от последовательных традиционалистов до немодернистов, российских модернистов и постмодернистов. Подробно анализируются ценностные предпочтения двух последних групп; показывается специфика, существенно отличающая их от западных модернистов.

Ключевые слова: нормы, ценности, традиционализм, модернизация, российские модернисты, российские постмодернисты.

The author continues a theme begun in previous issue (see N. Tikhonova’s article in “Social Sciences Today”, 2012, № 2). Feature of is standard-valuable system of the Russian society is shown. Actors of steady “blocks” of norms and values from consecutive traditionalists to nemodernists, the Russian modernists and postmodernists are discussed. Valuable preferences of two last groups are analyzed in detail; the specificity essentially distinguishing them from the western modernists is shown.

Keywords: norms, values, traditionalism, modernization, the Russian modernists, the Russian postmodernists.

В первой части этой работы (см. [Тихонова, 2012]) я попыталась показать, что нормативно-ценностные системы россиян очень гетерогенны. Однако, несмотря на эту гетерогенность, в них можно выделить довольно устойчивые “блоки” норм, ценностей и установок – “блоки”, совокупность которых и составляет сегодня нормативно-ценностные системы россиян¹. Именно эти “блоки”, причудливо группируясь, создают

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту “Культурная динамика российского общества и перспективы модернизации России” (№ 11-03-00561а), выполняемому при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

¹ Напомню, что предметом исследования для меня выступали только нормы, ценности и установки, относящиеся к системе взаимоотношений “личность–общество–государство”.

то многообразие взглядов, которое определяет социокультурный портрет России, а во многом – и перспективы дальнейшей эволюции российского общества.

Часть этих “блоков” отражает присутствие в общественном сознании тех или иных установок, характерных для обществ модерна (например, “Модернистские установки”, “Индивидуалистические установки”), а также норм и ценностей, формирующихся на этапе разложения взглядов, характерных для этого периода (“блок”, условно названный мной “Постмодернистские установки”). Другие отражают отдельные аспекты перехода от нормативно-ценностных систем традиционного типа к характерным для обществ модерна. В их числе такие, как «Толерантность к “не-Мы”», “Позитивное отношение к жизни в условиях плюрализма, риска и конкуренции”, “Либеральные установки” и др. Наконец, есть и “блоки”, отражающие особенности исторического пути России. В их числе, например, «Обоснование сложившейся системы взаимоотношений “личность–общество–государство”», «Представления о правовых основах сложившейся системы взаимоотношений “личность–общество–государство”», “Постсоциалистические установки” и др. Причем, как видно из набора установок и норм, входящих в эти “блоки”², хотя они и противостоят сознанию модерна, но даже в них “ядерными” являются уже отнюдь не такие ключевые для сознания традиционных обществ нормы и ценности, как, например, невосприимчивость к новому, ориентация на привычные жизненные образцы, конформизм и т.д.

Это позволяет предположить, что *если мировоззрение модерна как некая внутренне целостная система взглядов в России присутствует, то традиционализм в его классическом виде в ней уже отсутствует*. Это свидетельствует также о том, что *Россия уже достаточно далеко продвинулась по пути социокультурной модернизации*³, и сейчас можно говорить не столько о необходимости осуществления в ней этой модернизации, сколько о **специфике** данного процесса в российском обществе. Специфике, понять которую невозможно без анализа того, насколько широко представлены носители различных норм и ценностей в российском обществе и какие факторы влияют на приверженность рядового россиянина тем или иным нормам и ценностям. Именно на анализе этих вопросов я и сосредоточусь далее.

Дать ответ на них достаточно сложно, прежде всего в силу ограниченности выборок посвященных этой теме исследований и неполноты их инструментария. Так, при выборке, используемой в исследовании, на которое я опиралась в своем анализе⁴, речь может идти только о выделении групп, численность которых составляет среди всех россиян не менее 3 млн человек. Кроме того, специфика использовавшегося в этом исследовании инструментария позволяет проанализировать даже в интересовавшей меня в первую очередь области – нормах, ценностях и установках, регулирующих отношения личности, общества и государства⁵ – отнюдь не все из них. Тем не менее, при всех оговорках и определенной условности полученных результатов, они позво-

² Распределение конкретных норм, ценностей и установок по соответствующим “блокам” см. [Тихонова, 2012].

³ Под модернизацией я подразумеваю комплекс социальных, политических, экономических, культурных, демографических и т.д. трансформаций, которые отражают тот скачок в социетальном состоянии общества, переход его в качественно новое состояние, в ходе которого аграрные, традиционные общества становятся современными, “модернизированными”. Эти трансформации проходили в различных странах мира в неодинаковой последовательности и с разной скоростью, но всегда были внутренне связанными и взаимообусловленными. При этом под социокультурной модернизацией я подразумеваю прежде всего формирование новых нормативно-ценностных систем, являющихся ядром формирования новых типов культуры.

⁴ Речь идет об общероссийском исследовании Института социологии РАН “Готово ли российское общество к модернизации?” (2010 г.). Подробнее о выборке этого исследования и его результатах см. [Готово... 2010].

⁵ Нормы, ценности и установки, связанные с межличностными отношениями индивидов, при выделении этих групп мной не учитывались, поскольку включение в анализ норм и ценностей, регулирующих иные типы отношений, сделало бы эмпирический анализ отдельных мировоззренческих групп невозможным за счет роста числа этих групп с одновременным уменьшением их численности.

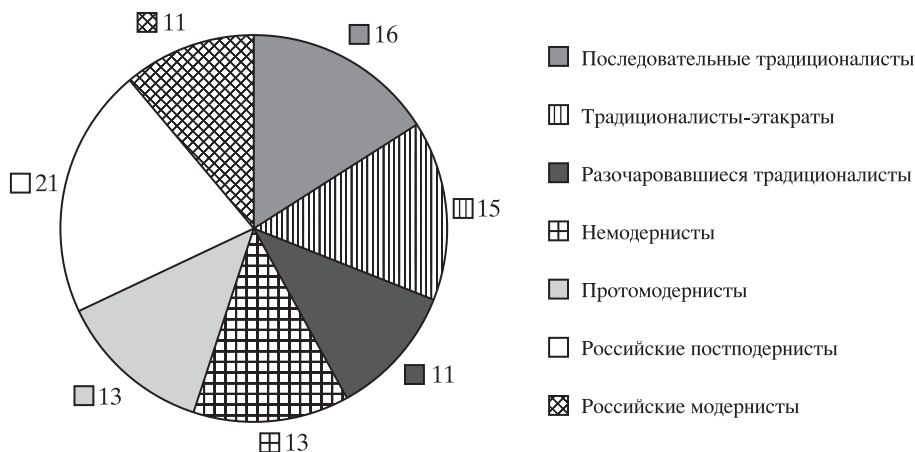

Рис. 1. Доли сторонников различных типов нормативно-ценностных систем в российском обществе (в %).

ляют увидеть устойчивые “ядра” различных нормативно-ценностных систем и лучше понять вектор социокультурной динамики России.

Технически получить картину гетерогенности нормативно-ценностных систем россиян и ее специфики по отношению к классическим представлениям о переходе от сознания домодерновых обществ к нормативно-ценностным системам обществ модерна можно, как я уже отмечала в первой части данной статьи, либо нормативно, то есть задавая некие критерии принадлежности к группе и строя многомерные индексы – путь, который я неоднократно использовала в прошлых своих работах (см. [Тихонова, 2001; 2005; 2006; 2008^a; 2008^b]), либо с помощью выделения достаточно широко распространенных кластеров сочетаний различных “блоков” норм, ценностей и установок. Учитывая спорность применимости нормативных критериев в условиях России, в качестве метода анализа этих комбинаций и, соответственно, выделения основных групп, различающихся своими нормативно-ценностными системами (далее для краткости, хотя и не совсем корректно, я буду называть их “мировоззренческими группами”), в данном случае используется второй возможный методологический прием, то есть кластерный анализ⁶. По его результатам были выделены 7 кластеров, численность которых в российском обществе находится в диапазоне от 11 до 20% всего населения (см. рис. 1).

Как видим, *сегодня в России нет четкого доминирования каких-либо взглядов. Скорее, российское общество представляет собой в этом отношении пеструю мозаику*⁷. При этом, если с учетом специфики комбинации различных “блоков” нормативно-ценностных систем попытаться выстроить выделенные мировоззренческие группы по шкале “Нормативно-ценностные системы традиционных обществ – Нормативно-ценностные системы современных обществ”, то можно увидеть устойчивые “ядра” различных нормативно-ценностных систем и лучше понять вектор социокультурной динамики России.

⁶ Анализ носил многоступенчатый характер. Сначала был использован иерархический кластерный анализ. При кластеризации респондентов по 12 описанным в первой части данной статьи факторам и анализа результатов его визуализации оптимальное для дальнейшего анализа число кластеров было определено как 6–9. Статистический анализ выделенных кластеров показал, что есть устойчивые “ядра” кластеров, сохраняющиеся в неизменном виде при всех моделях кластеризации. В использованном массиве данных они составляли 5,7%, 5,1%, 3,9%, 3,8%, 3,1%, 2,2% и 1,8% от всех респондентов – остальные группы составляли в выборке 1,5% и менее, что делало их дальнейший эмпирический анализ невозможным. Поэтому за основу дальнейшего анализа мной была избрана модель с 7 кластерами, хотя на большем массиве данных эффективной может оказаться и модель с большим количеством кластеров. Доля в их составе выделенных “ядер” для большинства из этих 7 кластеров была достаточно велика и находилась в диапазоне 28–35% от всех членов соответствующего кластера.

⁷ Этот вывод коррелирует с результатами других исследований, в частности проведенных под руководством Н. Лапина, В. Магуна, Н. Лебедевой и др.

тивно-ценностные системы обществ модерна”, то они расположатся в следующей последовательности: “Последовательные традиционалисты”; “Традиционалисты-этакраты”; “Разочаровавшиеся традиционалисты”; “Немодернисты”; “Протомодернисты”; “Российские модернисты”; “Российские постмодернисты”.

Использование в двух последних случаях прилагательного “российские” призвано подчеркнуть специфику этих групп, оттенить тот факт, что сознание их представителей во многих отношениях довольно далеко и от классического модерна, и от классического постмодерна, представляя собой некий “альтернативный модерн”. Особенности взглядов этих групп в целом и их “ядер”⁸ (см. табл. 1) позволяют понять суть различий анализируемых мировоззренческих групп. Более того – сравнивая особенности кластеров в целом и их “ядер”, можно получить и картину вектора развития нормативно-ценностных систем членов соответствующих кластеров. Вот почему в таблице 1 отмечены также качественные отличия в распространенности соответствующих взглядов в каждом кластере и в их “ядрах”.

Как видно из набора переменных, выделенных в начале таблицы 1 курсивом и показавших наибольшую значимость при регрессионном анализе, для россиян в целом наиболее важными дифференцирующими факторами их нормативно-ценностных систем выступают сегодня допущение какой-либо иной формы собственности на природные богатства, кроме общенародной, а также их отношение к индивидуализму, нонконформизму, оппозиции и конкуренции, прямо связанные с переходом к нормативно-ценностным системам модерна. Это еще одно свидетельство того, что *Россия достаточно активно движется по пути социокультурной модернизации, и именно характерные для этого процесса особенности взглядов являются в ней сегодня важнейшими основаниями для мировоззренческой дифференциации россиян.*

Однако, если обратиться к динамике мировоззрения включенных в отдельные кластеры, то картина выглядит уже не столь однозначной, хотя можно выделить кластеры, где практически нет различий во взглядах выделенных мировоззренческих групп и их “ядер” (“Последовательные традиционалисты” и “Протомодернисты”). В то же время есть кластеры – “Традиционалисты-этакраты” и “Разочаровавшиеся традиционалисты”, – которые демонстрируют довольно много расхождений во взглядах большинства кластера и его “ядра”. Это отражает переходность и внутреннюю неоднородность нормативно-ценностных систем этих мировоззренческих групп, многообразие путей разложения нормативно-ценностных систем, характерных для традиционных обществ в российских условиях. Есть и такие кластеры (“Немодернисты”, “Российские постмодернисты” и “Российские модернисты”), которые, характеризуясь общим консенсусом взглядов кластеров в целом и их “ядер”, в немногих различиях между ними демонстрируют вектор развития нормативно-ценностных систем соответствующих мировоззренческих групп. Так, для “ядра” “Российских постмодернистов” характерна ориентация на собственные силы и готовность принять на себя ответственность за происходящее в стране, в то время как кластер в целом придает относительно большую роль в изменении как макро-, так и микроусловий своей жизни государству, что соответствует классическим представлениям о формировании *Modern Man*.

Иначе складывается ситуация у “Российских модернистов”. “Ядро” этой мировоззренческой группы, в отличие от данного кластера в целом, характеризует слабая толерантность к тем, кто не такие как они, доходящая до негативного отношения не только к приезжим, но и к ЕС, Западу в целом или Азии, мало напоминающая портрет классического *Modern Man*. Что же касается соотношения взглядов группы “Немодернистов” и ее “ядра”, то в “ядре” этой группы, в отличие от группы в целом, прослеживается отчетливое доминирование “активизма” и высокой ценностной значимости

⁸ То, что это именно “ядра” соответствующих кластеров, подтверждал тот факт, что по большинству позиций, отражающих специфику того или иного кластера по отношению к остальным кластерам, число сторонников соответствующих взглядов в “ядрах” оказалось заметно больше, чем в этих же кластерах в целом. Это означает, что выделенные группы действительно выполняют роль “ядер” соответствующих мировоззренческих групп, концентрированно воспроизводя их особенности.

Особенности нормативно-ценностных систем различных мировоззренческих групп по переменным, входившим в факторный анализ, на основе результатов которого проводилась кластеризация*

Переменные	Кластеры						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты-этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
<i>Убеждение, что природные богатства страны могут принадлежать кому-то, кроме народа и государства</i>	14	6	10	13	3	7	70
<i>Убеждение, что конкуренция вредна</i>	69	18	28	29	16	9	15
<i>Выбор в пользу общества индивидуальной свободы, а не социального равенства</i>	13	22	22	22	12	62	70
<i>Согласие с тем, что каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения</i>	83	54	24	88	88	89	72
<i>Согласие с невозможностью согласовать интересы всех групп общества</i>	76	78	21	45	74	78	69
<i>Согласие с суждением "Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят. Для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство"</i>	78	75	33	26	42	32	43
<i>Установка на то, чтобы жить как все, а не выделяться среди других</i>	82	62	<u>41</u>	72	51	14	28
<i>Негативное отношение к индивидуализму</i>	45	51	38	28	82	11	22
<i>Согласие с суждением "Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции"</i>	62	50	20	22	85	60	62
<i>Убеждение, что роль оппозиции в обществе заключается в помощи правительству</i>	69	77	23	19	54	69	60

Таблица 1 (продолжение)

Переменные	Кластеры						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты-этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
Убеждение, что уважение к традициям и следование привычному важнее инициативности и поиска нового	82	50	71	64	69	23	48
Убеждение, что все перемены к худшему	80	43	36	52	36	17	31
Негативное отношение к понятию “модернизация”	48	22	37	20	16	10	22
Негативное отношение к понятию “различия”	57	57	29	43	51	31	33
Убеждение в необходимости превалирования плановых, а не рыночных начал в российской экономике	82	73	72	58	45	47	30
Убеждение, что перемены в нашем обществе надо проводить “сверху”, а не “снизу”	69	84	53	77	46	60	57
Убеждение, что государство должно обеспечивать полное равенство всех граждан	59	32	31	48	27	30	12
Согласие с тем, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности	62	71	25	77	41	67	46
Негативное отношение к демократии	56	31	22	20	10	17	16
Согласие с тем, что законы надо соблюдать только если это делают и представители власти	76	58	25	78	83	62	52
Согласие с суждением “Всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реалиям”	62	48	15	48	52	34	43
Согласие с тем, что не так важно, соответствует что-либо закону или нет, – главное, чтобы это было справедливо	49	19	13	62	51	45	46

Таблица 1 (продолжение)

Переменные	Кластеры						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты-этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
Согласие с тем, что каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций	67	41	23	71	<u>55</u>	63	69
Согласие с тем, что правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства	47	<u>37</u>	15	42	28	46	42
Согласие с тем, что если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить	34	<u>42</u>	12	40	27	31	39
Убеждение, что хорошие руководители для России важнее, чем хорошие законы	37	86	<u>39</u>	74	21	41	<u>47</u>
Убеждение, что материальное благополучие важнее, чем свобода	<u>40</u>	<u>58</u>	<u>44</u>	<u>44</u>	75	19	36
Выбор в альтернативе “интересная работа” – “высокая зарплата” в пользу зарплата	44	<u>62</u>	<u>42</u>	62	58	23	40
Убеждение, что равенство доходов важнее, чем равенство возможностей	46	38	<u>43</u>	<u>48</u>	29	25	31
Успех – результат везения и связей, а не упорного труда	41	60	62	<u>39</u>	44	45	57
Уверенность, что без помощи государства они не выживут	72	66	66	68	59	<u>58</u>	33
Убеждение, что его материальное положение зависит от ситуации в стране, а не от него самого	66	62	64	<u>47</u>	54	47	34
Убеждение, что нужно приспосабливаться к реальности, а не бороться за свои права	69	<u>60</u>	<u>48</u>	39	34	27	44
Негативное отношение к понятию “риск”	58	58	33	<u>48</u>	60	34	45

Таблица 1 (окончание)

Переменные	Кластеры						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты-этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
Убеждение, что чего-то добиться можно лишь действуя сообща, а не рассчитывая только на свои силы	52	48	60	46	74	35	53
Негативное отношение к приезжим	60	68	36	61	71	76	47
Негативное отношение к Европейскому союзу	49	57	32	38	48	42	31
Негативное отношение к Западу	59	72	33	54	58	49	37
Негативное отношение к Азии	61	48	41	57	70	64	40
Негативное отношение к глобализации	66	63	53	48	83	44	38

* В таблице фоном выделены те варианты ответов, которые набрали в соответствующем кластере свыше двух третей или же менее одной трети ответов, то есть позиции, где прослеживается отчетливое доминирование определенных взглядов. Там, где показатели в “ядре” кластера качественно отличаются от показателей в кластере в целом (то есть нормы, характеризующей взгляды большинства кластера, в его “ядре” придерживается меньшинство), соответствующие показатели выделены жирным шрифтом с подчеркиванием, а ячейка выделена диагональной штриховкой. В левой колонке (“Переменные”) курсивом выделены те нормы, установки и ценности, которые при регрессионном анализе показали наибольшую значимость для деления респондентов на кластеры.

материальных факторов. Таким образом, изменение нормативно-ценностных систем “Немодернистов” движется в сторону нарастания того утилитаризма, о котором я много говорила в первой части данной работы. В целом же картина вектора становления нормативно-ценностных систем трех этих мировоззренческих групп говорит о нелинейности процесса становления в России нормативно-ценностных систем, характерных для этапа модерна, и об устойчивости тенденции формирования в ней “альтернативного модерна”.

Рассмотрим теперь подробнее наиболее характерные особенности мировоззренческих групп, взгляды которых играют особую роль для оценки перспектив модернизации и выработки стратегии модернизационных преобразований, а именно – **групп, достаточно далеко продвинувшихся по пути формирования *Modern Man***⁹. Как отмечалось выше, в современном российском обществе есть по меньшей мере две такие массовые группы. Первая, самая массовая (21% всех россиян) – “Российские постмодернисты”¹⁰. Вторая, численность которой составляет 11% населения страны, – “Российские модернисты”. О том, что мировоззрение представителей этих групп относится по своему типу к сознанию модерна, свидетельствуют, в частности, такие общие

⁹ На особенностях остальных групп, в силу ограниченности объемов статьи, я не имею возможности остановиться. Тем не менее ряд таких особенностей можно увидеть из данных, которые приведены далее в таблицах.

¹⁰ Это не просто самый большой, но и очень устойчивый к изменениям методологии выделения мировоззренческих групп кластер, к тому же имеющий достаточно большое (около 30% кластера) “ядро”. Сказанное свидетельствует о своего рода “укорененности” в российском обществе соответствующей модели взглядов и ее внутренней устойчивости.

особенности их членов, как ярко выраженный социальный динамизм (убеждение, что инициатива и поиск нового важнее следования традициям, позитивное восприятие перемен и т.д.), последовательная ориентация на собственные силы, неконформизм и т.п. При этом, однако, каждая из этих групп имеет свои особенности, часть которых можно рассматривать как разные вариации мировоззрения *Modern Man*, а часть не вписывается в его классический портрет, построенный на основе опыта социокультурной модернизации в странах западной культуры.

К числу наиболее характерных особенностей **“Российских постмодернистов”**, позволяющих характеризовать их как носителей норм и ценностей не просто модерна, а постмодерна, относится прежде всего вторичность для них “материальной составляющей” их жизни. Так, свобода для них важнее материального благополучия, а “интересность” работы – размера заработной платы. Характерно для них также (в отличие от “Российских модернистов”) и убеждение, что в защите своих интересов надо ориентироваться на коллективные, а не индивидуальные действия. В целом можно сказать, что это *активистски и коллективистски настроенная группа с низкой значимостью для нее материалистических ценностей при приоритете ценностей свободы и самореализации*. В то же время для ее представителей характерны и многие нетипичные для мировоззрения классического модерна и постмодерна взгляды. Так, их характеризует слабая толерантность к тем, кто не такие, как они, и прежде всего к “приезжим”, пренебрежение к правам меньшинств и убеждение, что государство всегда должно отстаивать интересы всего народа, а не права отдельного человека. Наконец, при бесспорном признании ценности демократии как таковой для них характерны типичные для России представления о том, как должна выглядеть эта демократия, весьма далекие от классических представлений о ней¹¹.

Говоря о специфике мировоззрения другой модернистски ориентированной группы – **“Российских модернистов”**¹², прежде всего надо отметить, что, в отличие от “Российских постмодернистов”, они придают очень большое значение материальной составляющей жизни, являются последовательными индивидуалистами. Кроме того, среди них доминирует (70%) убеждение, что природные богатства могут принадлежать кому-то, кроме народа или государства, и что государство не вправе ограничивать прав собственников распоряжаться своей собственностью. Однако это не означает автоматического принятия и в данной группе всех норм “западного модерна”. Значимость для “Российских модернистов” прав собственников не доходит у них до признания за отдельными людьми права собственности на то, что является “условием существования общности в целом”. Только 18% представителей этой группы считают, что природные богатства должны принадлежать тем, кто являются их официальным собственником “по документам”. Основная же масса представителей не только этой группы в целом, но даже ее “ядра”, убеждены, что собственниками природных богатств должны быть территориальные сообщества или производственные коллективы, а не отдельные люди. Не вполне вписывается в нормы модерна и то, что ее члены связывают жизненный успех с везением, а не с упорным трудом, и относительно чаще ориентированы на приспособление к реальности, а не на борьбу за свои интересы.

Довольно заметно различаются и представления этих мировоззренческих групп о демократии. Так, считают равенство всех граждан перед законом абсолютно необходимым признаком демократического устройства 59% “Российских постмодернистов” и лишь 40% “Российских модернистов”. Кроме того, более половины “Российских постмодернистов” (53%) при меньшинстве среди “Российских модернистов” (41%) считают важным наличие в современном российском обществе представительных органов власти. По “ядрам” этих кластеров различия еще больше – 57 и 31% по от-

¹¹ Так, в рамках этих представлений предполагается, что оппозиция должна помогать правительству в его работе, а не критиковать его, и т.п.

¹² Эта мировоззренческая группа менее устойчива, чем “Российские постмодернисты”, хотя “ядро”, концентрирующее и воспроизводящее соответствующие взгляды, в ней также достаточно велико (28% кластера в целом).

ношению к равенству перед законом и 57 и 29% по отношению к представительным органам власти. Заметно различается в “ядрах” этих кластеров и отношение к многопартийности: ее наличие предстается важным 51% “ядра” “Российских постмодернистов” и лишь 31% “ядра” “Российских модернистов”. Возможно, это связано с тем, что большинство представителей последнего считают, что хорошие руководители для России важнее хороших законов (соответствующий показатель для “Российских постмодернистов” составляет лишь 30%). При этом “Российские модернисты” вообще не считают демократическое устройство необходимым для России, а свыше 30% “ядра” этой мировоззренческой группы негативно относятся даже к самому термину “демократия”. Не случайно в этом кластере заметно чаще, чем у “Российских постмодернистов”, встречается убеждение, что индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят, и для России важны чувство общности, коллективизм и жестко управляемое государство.

Таким образом, “Российские постмодернисты” рассматривают демократию как самостоятельную ценность и для них важно наличие таких ее признаков, как наличие представительных органов власти, возможность избрания президента страны в ходе общенародного голосования и т.п., хотя они и придерживаются взглядов на роль государства и оппозиции в системе взаимоотношений “личность–общество–государство”, весьма далеких от их западных аналогов. С “Российскими модернистами” картина иная. Они против вмешательства государства в экономическую и личную жизнь граждан, оппозиция для них – не помощник власти, а ее противник, среди них шире распространено убеждение в праве личности отстаивать свои интересы. Однако для них не важны институты демократии и гораздо менее значим закон как таковой, включая принцип равенства всех перед законом. При этом решающую роль они отводят личности и ее возможности влиять на ситуацию. И такая активистская позиция, за которой не стоит апелляции к обеспечивающим ее социальным институтам, распространяется у них на самые разные аспекты жизни – от оценки роли руководителей до выбора личных поведенческих практик.

Сказанное позволяет утверждать, что, хотя в плане формирования характерных для *Modern Man* норм, ценностей и установок (восприимчивость к новому, индивидуализм, внутренний локус-контроль, ориентация на конкурентную рыночную экономику, нонконформизм и т.д.) представители данной мировоззренческой группы продвинулись дальше других, это не привело их не только к признанию западной модели развития как эталонной, но даже к принятию ряда базовых норм и ценностей западных обществ. И в этом отношении, как и “Российские постмодернисты”, они достаточно далеки от западного модерна.

Альтернативность модернистски ориентированных групп в России по отношению к классическому модерну и их несоответствие ожиданиям, характеризующим обычно поиски субъектов модернизации в России, проявляются и во многих других особенностях этих групп. Так, характерное для “Российских модернистов” превалирование личных интересов, понимаемых прежде всего как максимально возможное материальное благополучие, заметно сказывается на их “моральном облике”. Не случайно у “Российских модернистов” чаще, чем у второго модернистски ориентированного кластера, встречаются признания, подтверждающие это (см. табл. 2), хотя и у последних они достаточно широко распространены. Таким образом, *российские версии модерна с характерной для него готовностью к активности ради разного рода успеха (от материального благополучия до более полной самореализации) ведут к росту противоправной деятельности рядового населения в экономической сфере и отражают несовершенство многих функционирующих сегодня в России институтов, способствующих эффективности на микроуровне разного рода неправовых практик.*

К этому стоит добавить, что “Российские модернисты” существенно терпимее, чем россияне в целом и “Российские постмодернисты”, к деловой необязательности. Однако при этом они в гораздо большей степени, чем последние, ориентированы на начало собственного бизнеса. Так, в “ядрах” этих мировоззренческих групп пустились бы на открытие собственного бизнеса неожиданно появившиеся у них крупные

Отношение двух модернистски ориентированных мировоззренческих групп и их “ядер” к различного рода неправовым и аморальным практикам (в %)*

Справочно: по россиянам в целом	Варианты действий	Российские постмодернисты/ их “ядро”	Российские модернисты/ их “ядро”
	<i>Сознательно обманывать кого-то для достижения своих целей</i>		
32	Приходилось	41/48	39/55
14	Сами этого не делали, но не осуждают	13/12	21/20
50	Противники этого	44/39	34/18
	<i>Давать взятки</i>		
21	Приходилось	22/27	26/37
17	Сами этого не делали, но не осуждают	18/21	27/31
57	Противники этого	56/49	43/29
	<i>Уклоняться от уплаты налогов</i>		
5	Приходилось	7/7	11/20
20	Сами этого не делали, но не осуждают	20/21	30/39
72	Противники этого	71/70	57/39

* В таблице не указаны не ответившие на соответствующий вопрос. Жирным шрифтом выделены позиции, по которым ответы “ядра” значимо больше, чем в соответствующей мировоззренческой группе в целом.

средства 54% и 30%, соответственно. Учитывая, что трудолюбие ценится ими гораздо ниже, чем “Российскими постмодернистами” (возможно потому, что, как отмечалось выше, они не считают упорный труд основой успеха), вряд ли можно ожидать роста социальной ответственности бизнеса, если такие люди действительно туда придут.

Как видим, хотя *сегодня в российском обществе есть по крайней мере две разновидности мировоззрения модерна*, однако характерные для их представителей нормы, ценности и установки не только существенно различаются между собой, но и отличаются от ассоциируемых обычно с западной версией *Modern Man*. Это и позволяет говорить о *формировании в России “альтернативного модерна”, причем существующего по меньшей мере в двух разных формах. Представители их составляют в сумме практически треть российского населения, а среди городского населения их доля еще выше. Однако особенности их взглядов свидетельствуют о том, что модернизация в России и проходила, и дальше будет проходить отнюдь не по западной ее модели.*

Лучше понять модернизационный потенциал этих мировоззренческих групп и причины различий как между ними, так и между модернистски ориентированными мировоззренческими группами, с одной стороны, и остальными выделенными кластерами – с другой, помогает анализ специфики их объективных характеристик, прежде всего их пространственной локализации и возраста (см. табл. 3).

Как видно из таблицы 3, *наиболее типичным местом жительства представителей модернистски ориентированных мировоззренческих групп выступают крупные города. Для “Российских постмодернистов” это прежде всего города-миллионники (32% по группе в целом и 40% по “ядру”) и города с численностью жителей от 500 тыс. до 1 млн человек, где проживают еще по 11% этой мировоззренческой группы и ее “ядра”. “Российские модернисты” также в трети случаев проживают в крупных городах. Однако свыше половины из них, в отличие от “Российских постмодернистов”, сосредоточены и в так называемой “малой России” – городах численностью до 100 тыс. человек, поселках городского типа и селах. Не останавливаясь подробно на всех вытекающих отсюда следствиях, отмечу лишь, что такая картина территориального распределения двух разных по своим нормативно-ценностным системам модернистски ориентированных групп не только создает значительные проблемы*

Место жительства и возраст представителей различных мировоззренческих групп (в %)

Место жительства	Мировоззренческие группы*						
	Последовательные традиционалисты	Традиционалисты-этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
Тип поселения							
Город с населением более 500 тыс. человек	36	36	17	34	29	43	32
Город с населением 100–500 тыс. человек	13	13	8	10	14	19	15
Город с населением менее 100 тыс. человек	18	21	25	19	19	17	27
Село, деревня, поселок городского типа	33	30	50	37	38	21	26
Возраст							
До 30 лет	12	23	17	24	22	37	41
31–40 лет	19	19	26	22	18	24	24
41–50 лет	20	24	20	23	26	18	17
51–60 лет	22	15	15	13	20	14	11
Свыше 60 лет	27	19	22	17	15	7	6

* Фоном выделены позиции, наиболее типичные для двух модернистски ориентированных кластеров в отличие либо от остальных мировоззренческих групп, либо друг от друга.

в реализации модернизационного проекта, но и усиливает традиционную для нашей страны ценностную поляризацию “большой” и “малой” России, придавая к тому же этой поляризации принципиально новое звучание.

Не менее ярко отличаются два модернистски ориентированных кластера на фоне всех остальных и их возрастные особенности – половина тех россиян, кто моложе 30 лет, попадают в эти две мировоззренческие группы. В возрастной когорте 31–40 лет таковых уже около трети и далее этот показатель непрерывно снижается. При этом доля “Традиционалистов-этакратов” составляет во всех когортах в кластерах в целом примерно одинаковую величину без линейных зависимостей (13–17%), хотя “Последовательные традиционалисты” чаще встречались среди пожилого населения страны. Однако, как и в случае с местом проживания, возрастные характеристики членов двух модернистски ориентированных кластеров несколько различаются: “Российские постмодернисты” чуть старше, чем “Российские модернисты”. Если у первых средний возраст “ядра” составляет 36,5 лет, а медианный – 35 лет, то средний возраст “ядра” “Российских модернистов” 32,5 года, а медианный – 30 лет. При этом в составе “ядер” “Российских постмодернистов” и “Российских модернистов” доля лиц до 40 лет составляет 69% у первых и 79% у вторых. Более того, “ядро” группы “Российских модернистов” практически на 60% состоит из тех, кто не старше 30 лет.

Образовательный уровень и социально-профессиональный статус представителей различных мировоззренческих групп (в %)

Характеристики	Мировоззренческие группы*						
	Последователи традиционалисты	Традиционалисты-этакраты	Разочаровавшиеся традиционалисты	Немодернисты	Протомодернисты	Российские постмодернисты	Российские модернисты
<i>Образование собственное</i>							
Не выше среднего общего	34	22	31	39	31	15	29
Среднее специальное	43	47	47	42	37	38	33
Высшее и неоконченное высшее	23	31	22	19	32	47	38
<i>Образование родителей</i>							
Оба не выше среднего специального	63	48	61	56	47	32	41
Хотя бы у одного среднее специальное	25	25	26	27	30	38	31
Хотя бы у одного высшее	6	17	7	12	13	12	8
Высшее у обоих	6	9	6	5	10	18	20
<i>Основные социально-профессиональные группы**</i>							
”Белые воротнички” (руководители, специалисты, технические служащие)	38	38	32	28	43	49	48
Работники сферы торговли и услуг	10	14	14	16	13	17	19
Рабочие	52	45	52	53	38	31	32
<i>Справочно: доля пенсионеров в каждом кластере</i>	33	25	27	20	20	12	11

* Фоном выделены позиции, наиболее типичные для двух модернистски ориентированных кластеров в отличие либо от остальных мировоззренческих групп, либо друг от друга.

** В таблице представлены не все профессиональные группы, а только те, численность которых была достаточно велика для анализа (отсутствуют предприниматели, самозанятые, безработные и т.п.). Кроме того, цифры приведены только по работающим, которые приняты за 100%, а доля пенсионеров справочно дана отдельной строкой.

В то же время в этих мировоззренческих группах в целом различие возраста их представителей менее заметно и составляет всего около двух лет.

Однако место жительства и возраст – не единственные факторы, обуславливающие четко просматривающиеся различия во взглядах представителей этих групп. Как показал статистический и содержательный анализ, в число таких факторов входят также образование – как собственное, так и родителей (см. табл. 4).

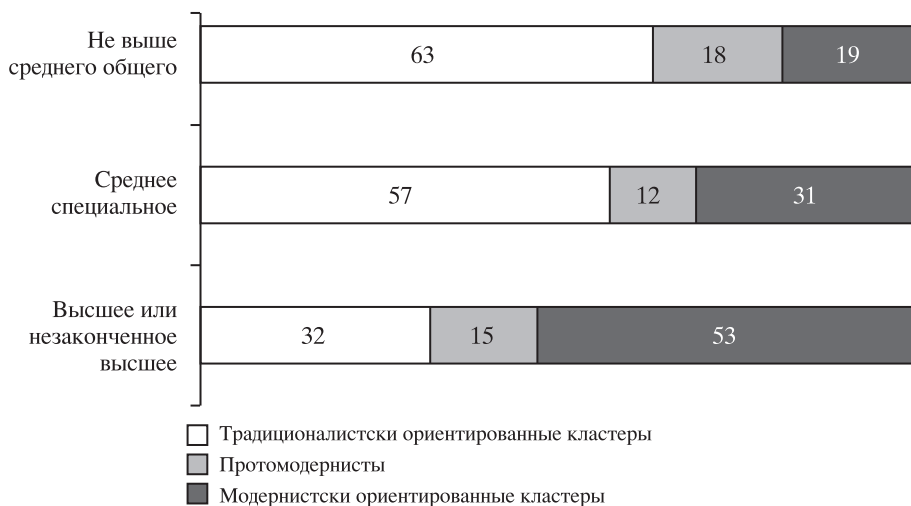

Рис. 2. Распределение по “ядрам” мировоззренческих групп в зависимости от уровня собственного образования (в %).

Как видим, для модернистски ориентированных кластеров, особенно “Российских постмодернистов”, наиболее типично высшее образование. Более того, его наличие – один из важнейших факторов, влияющих на принадлежность к двум модернистски ориентированным кластерам, с одной стороны, и снижение вероятности попадания в традиционалистски ориентированные кластеры – с другой. Наиболее наглядно эта закономерность проявляется при анализе ситуации в “ядрах” соответствующих кластеров (см. рис. 2).

В то же время для попадания в определенный модернистски ориентированный кластер роль образования не очень велика. Так, хотя доля лиц с высшим образованием в составе “Российских постмодернистов” заметно выше, чем среди “Российских модернистов”, но в их “ядрах” эти различия уже отсутствуют, то есть существование двух альтернативных версий российского модерна связано все-таки не с образовательным уровнем их представителей.

Иначе выглядит ситуация с уровнем образования родительской семьи, который, с одной стороны, заметно отличает их на фоне остальных мировоззренческих групп, а с другой – различается в них самих весьма существенно. Интересно при этом, что россияне, выросшие в семьях, где только один из родителей имел высшее образование, в трети случаев оказываются в составе двух модернистски ориентированных кластеров, и в 15% случаев – в числе “Протомодернистов”. В то же время такая маргинальная ситуация в родительской семье способствует и обратной тенденции: практически каждый четвертый среди них оказывается в составе “Традиционалистов-этакратов”, хотя доля представителей других традиционалистски ориентированных кластеров среди них низка. Зато среди тех, кто выросли в семьях, где высшее образование имели оба родителя, представители двух модернистски ориентированных кластеров составляют уверенное большинство – 55% и еще 12% приходится на “Протомодернистов”. Доля же “Традиционалистов-этакратов” среди них низка (12%, то есть вдвое ниже, чем в семьях, где высшее образование имел лишь один из родителей). В “ядрах” этих кластеров тенденция значимого влияния уровня образования родительской семьи на принадлежность к модернистски ориентированным группам прослеживается еще ярче (см. рис. 3). Таким образом, наблюдается очень четкая связь условий первичной социализации, ключевым компонентом которой выступает уровень образованности родительской семьи, с характером мировоззрения человека.

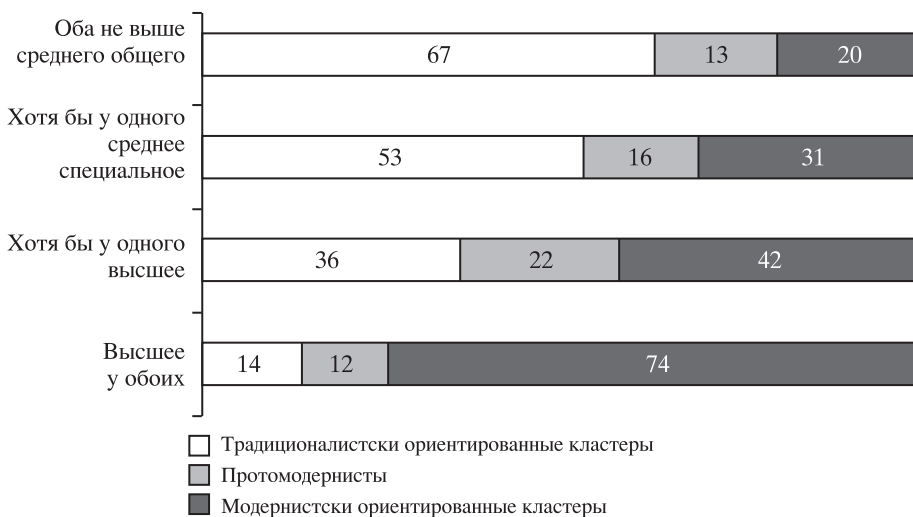

Рис. 3. Распределение по “ядрам” мировоззренческих групп в зависимости от уровня образования родителей (в %).

Естественно, что при столь различающемся месте жительства, возрасте, образовательном уровне и культурном капитале, полученном в ходе первичной социализации, различается и профессиональный статус представителей модернистски ориентированных групп, с одной стороны, и остальных мировоззренческих групп – с другой. Практически половина первых – “белые воротнички”, а доля рабочих среди работающих их представителей составляет менее трети. У “Протомодернистов” это соотношение выглядит как 43/38. В остальных же кластерах доля “белых воротничков” находится в диапазоне 28–38%, а типичный профессиональный статус их членов – статус рабочего. Для “ядер” соответствующих профессиональных групп характерны те же тенденции, только выраженные еще ярче. Так, 53% “ядра” “Российских постмодернистов” – “белые воротнички”, в ядре “Российских модернистов” их доля – 55%. При этом для групп руководителей и специалистов типично пребывание в модернистски ориентированных кластерах, служащие дают довольно пеструю картину, а рабочие более чем в 40% случаев с равной вероятностью попадают в кластеры “Последовательных традиционалистов” и “Разочаровавшихся традиционалистов”. Это вкпе с их различной территориальной локализацией и возрастными особенностями влияет и на их разные возможности повлиять на ход процессов модернизации в стране.

* * *

Подводя итоги, можно констатировать, что процессы культурной динамики протекают сегодня в России очень неоднозначно, что обусловливается рядом факторов. При этом есть факторы формирования того или иного типа нормативно-ценностных систем, которые демонстрируют не просто высокую статистическую значимость, но и четкую линейную связь с принадлежностью к определенным мировоззренческим группам, расположенным на шкале “Нормативно-ценностные системы традиционных обществ – Нормативно-ценностные системы обществ модерна”. Это прежде всего условия социализации. Есть факторы, влияющие скорее на принадлежность к полярным группам (модернистски или же традиционалистски ориентированным). В первую очередь, это возраст или проживание в определенных типах поселений. Есть и факторы, влияние которых тоже статистически значимо, но характер данного влияния имеет более сложную природу (прежде всего, в их числе следует назвать социально-

профессиональную принадлежность, на которой косвенно сказываются требования к образованию представителей разных профессиональных статусов, разница профессиональной структуры в разных типах поселений и ряд других обстоятельств). Все эти факторы, накладываясь друг на друга, дают в итоге достаточно сложную картину механизма формирования нормативно-ценностных систем, а в результате их кумулятивного действия в российском обществе присутствуют как достаточно четкие группы с устойчивым мировоззрением, отражающие общий вектор эволюции нормативно-ценностных систем общества в целом, так и разного рода переходные мировоззренческие группы.

Можно зафиксировать также общие и специфические особенности формирования российских версий *Modern Map*. Так, оба модернистски ориентированных кластера на фоне остальных выглядят более молодыми и образованными, а их представители сконцентрированы в большей степени в крупных городах на профессиональных позициях “белых воротничков”. Учитывая, что именно процессы урбанизации, роста образовательного уровня населения и изменение структуры занятости во многом определяют социокультурную модернизацию во всех странах мира, это вполне естественно. При этом “Российских постмодернистов” чаще, чем “Российских модернистов”, можно встретить в наиболее крупных городах, и реже – в так называемой “малой” России. Кроме того, у тех, кого раньше называли бы “потомственной интеллигенцией”, больше шансов оказаться в составе “Российских постмодернистов”, а вот у “интеллигенции первого поколения” – в составе “Российских модернистов”.

Учитывая факторы формирования двух альтернативных версий российского модерна и негативные тенденции в эволюции структуры занятости и процессов урбанизации в последние два десятилетия, наиболее вероятным сценарием дальнейшего развития событий представляется продолжение разложения нормативно-ценностных систем традиционалистского типа с нарастанием разного рода промежуточных и переходных типов этих систем без серьезного роста численности модернистски ориентированных групп. При этом, в случае сохранения существующей сегодня в России “институциональной матрицы”, среди последних можно ожидать скорее роста числа “Российских модернистов”, нежели “Российских постмодернистов”.

Если же говорить не о тенденциях развития процессов культурной динамики, а о перспективах процесса модернизации в России, то прежде всего надо подчеркнуть, что, несмотря на всю противоречивость протекания в России процессов социокультурной модернизации, национальные нормы и ценности вполне совместимы с задачами социальной и технико-экономической модернизации страны, и массовые акторы этих видов модернизации в ней имеются. При этом в российском обществе сравнительно не велика доля тех, кто, в силу особенностей их нормативно-ценностных систем, могли бы стать тормозом на пути модернизации в таком ее понимании. Однако тревожным выглядит распространность среди образованной городской молодежи из числа “белых воротничков”, прежде всего – служащих и, особенно, госслужащих, “традиционализма по убеждению”, то есть того характерного для “Традиционалистов-этакратов” набора норм, ценностей и установок, который строится на сознательном отрицании любых перемен и конкурентной рыночной экономики как таковой с одновременным признанием гипертрофированной роли государства.

Сознательное принятие этакратической модели развития как оптимальной для России доходит в этой системе взглядов до толерантности прямому влиянию на правосудие со стороны государства, отсутствующей даже у представителей “стихийного традиционализма”, характерного в первую очередь для старших поколений, сельских жителей, лиц с низким образовательным уровнем. Платой за такую лояльность должна, с точки зрения “традиционалистов по убеждению”, выступать активная социальная поддержка государством своих граждан. Не случайно патерналистские ожидания и отсутствие готовности к собственной активности для самообеспечения ярче всего выражены именно в этой мировоззренческой группе.

Оценивая возможные траектории модернизации в России, надо отметить также, что *политическая модернизация как таковая не является сегодня приоритетной задачей даже в глазах модернистски ориентированных групп. Однако ряд действий со стороны власти, так или иначе связанных с этой модернизацией* (прежде всего, обеспечение “повседневных” прав и свобод, включая право озвучивать и отстаивать свои интересы, право на экономическую активность в разных ее формах, на сохранность имеющейся собственности и т.д., а также борьба с коррупцией), – *четко артикулированный запрос к власти со стороны большинства населения страны, а тем более – модернистски ориентированных групп.* Без реализации этого запроса невозможно будет рассчитывать на поддержку предложенного руководством страны модернистского проекта даже со стороны тех модернистски ориентированных групп, которые объективно являются акторами модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Готово ли российское общество к модернизации? М., 2010.

Тихонова Н.Е. Личность, общество, власть в российской социокультурной модели // *Общественные науки и современность.* 2001. № 3.

Тихонова Н.Е. Особенности “российских модернистов” и перспективы культурной динамики в России. Статья 1 // *Общественные науки и современность.* 2012. № 2.

Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // *Общественные науки и современность.* 2005. № 6.

Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // *Общественные науки и современность.* 2006. № 1.

Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1 // *Общественные науки и современность.* 2008^а. № 2.

Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 2 // *Общественные науки и современность.* 2008^б. № 3.

© Н.Тихонова, 2012